

оказаться как-нибудь, хотя бы нечаянно, «развязным», действительно, перестал обращаться к дорого-му учителю с какими-бы то ни было вопросами и... только слушалъ, что он говорил.

Как и можно было предполагать, Лев Николаевич заметил во мне эту перемену. Как-то, вскоре после разговора с Душаном Петровичем, мы ездили со Львом Николаевичем верхом. Вообще, Лев Николаевич ездил молча в верховых прогулках, размышлял, наслаждался созерцанием природы и отдыхом от работы... Но иногда, напротив, он очень оживленно разговаривал с своим спутником, кто бы это ни был.

Повидимому, соблюдая тайное предписание Душана Петровича, я был слишком несловоохотлив и, вследствие этого, выглядел мрачно, потому что, приглашая меня на другой день проехаться верхом, Лев Николаевич вдруг спохватился:

— Впрочем, я не знаю, хотите ли вы. Вы что-то стали мрачны. Когда вы едете за мной, я думаю, что вы, наверное, что-нибудь думаете обо мне: думаете, думаете, думаете!..

— Что вы, что вы, Лев Николаевич! — стал я возражать ему. — Ей-Богу, ничего не думаю!.. Честное слово, ничего не думаю!.. Я прекрасно себя чувствую... Я так рад всегда ездить с вами!..

Мне бы надо было прямо рассказать Льву Николаевичу о наставлениях Душана, но в первую минуту я даже забыл о них.

— Верю, верю! — произнес Лев Николаевич, в ответ на мои горячие убеждения. — Это мне только так показалось...

После этого я стал уже менее педантично ис-